

РАЗВИТИЕ КУЛЬТА СВ. ЭДМУНДА
В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ И В АГИОГРАФИИ

В данной статье рассматривается история возникновения и ранних этапов существования культа св. Эдмунда, короля Восточной Англии, убитого викингами в 869 г. Исследуется проблема формирования посвященной ему традиции в устной среде и дальнейшего включения этой традиции в агиографический текст — «Страсти святого Эдмунда» Аббона Флерийского. Анализируется соотношение в данном источнике элементов устной традиции и агиографического канона, предпринята попытка выявления в тексте пластов, в которых нашли отражение различные этапы развития культа св. Эдмунда.

Ключевые слова: св. Эдмунд, Аббон Флерийский, англо-саксонская Церковь, культ святых, мученики, святые королевской крови, викинги, устная традиция, агиография.

Скандинавские набеги на Англию, начавшиеся с разграбления монастыря на острове Линдисфарн в 793 г., привели к завоеванию в 860–870-х гг. англо-саксонских королевств: Нортумбрии (867 г.), Восточной Англии (869 г.) и значительной части Мерсии (873–874 гг.). В 869 г. в ходе захвата Восточной Англии викингами был убит ее король Эдмунд. Вскоре он стал почитаться как святой, а в дальнейшем его культ получил широкое распространение на общенациональном уровне.

Гибель короля Эдмунда зафиксирована в рукописи «А» Англо-Саксонской хроники под 870 г.: «Тогда даны отправились верхом через Мерсию в Восточную Англию и зимовали в Тетфорде. В ту зиму король Эадмунд сражался против них; даны победили, убили короля и захватили всю ту землю»¹. Поскольку первая часть Англо-Саксонской хроники, т.н. «common stock», была составлена в 891–892 гг., эту запись отделяет от описываемых событий всего

---

¹ Англосаксонская хроника IX–XI веков / Пер. с древнеанглийского, введение, примеч. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010. С. 70 («870. Her rad se here ofer Mierce innan East Engle 7 winter setl namon. æt Peodforda, 7 þy wintre Eadmund cyning him wiþ feaht, 7 þa Deniscan sige namon, 7 þone cyning ofslogon, 7 þæt lond all ge eodon...») — Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. 2 vols. Oxford, 1892–1899. Vol. II. P. 70).

около 10 лет. В «Жизнеописании короля Альфреда» Ассера, относящемся к этому же времени (893 г.), данные события описаны более эмоционально: «В том же году Эдмунд, король восточных англов, яростно сражался с этой армией. Но, о горе! язычники чрезвычайно торжествующие, убили там его самого с большим количеством его людей, враги завладели полем битвы, и подчинили всю ту землю своей власти»². Как видим, основные изменения по сравнению с лаконичным текстом Хроники направлены на придание повествованию более насыщенного эмоционального характера. Автор добавляет лишь одну дополнительную деталь — о гибели вместе с Эдмундом большого количества его людей. Однако подобное уточнение вряд ли основано на дополнительном источнике информации о гибели Эдмунда, отличном от Хроники. По крайней мере, очевидно, что на момент создания «Жизнеописания Альфреда», которое датируется 893 г., его автор не владел никакими сведениями о почитании Эдмунда как святого, из чего следует, что в это время при дворе уэссекского короля Альфреда не только не существовало культа св. Эдмунда, но и не предпринималось попыток к его созданию.

Итак, первоначальное известие о гибели Эдмунда, которое находим в Хронике и в «Жизнеописании Альфреда», ни по характеру сообщаемой информации, ни по стилистике повествования никак не выделяется из целого ряда других записей о завоеваниях викингов в Англии. Незадолго до гибели Эдмунда были убиты правители Нортумбрии Осберт и Элла, а через несколько лет, правда не убит, но изгнан из Мерсии король Бургред. Однако посмертная судьба Эдмунда выделяет его среди прочих политических жертв викингских завоевателей, поскольку уже вскоре после своей гибели король Восточной Англии стал восприниматься как святой. Об этом свидетельствует уникальный в своем роде источник — комплекс «памятных монет св. Эдмунда». Такое название получили серебряные пенни, посвященные королю Эдмунду и представляющие собой характерный тип монет. На аверсе в центре монеты помещена буква «А» (сокращенное «Anglorum»), вокруг которой идет легенда «*Scē Ead-munde rex*» (традиционно читается в звательном падеже: «О, святой король Эдмунд!»), на реверсе — крест в центре, вокруг которого —

---

² «Eodem anno Eadmund, Orientalium Anglorum rex, contra ipsum exercitum atrociter pugnavit. Sed, proh dolor! paganis nimium gloriantibus, ipso cum magna suorum parte ibidem occiso, inimici loco funeris dominate sunt, et totam illam regionem suo dominio subdiderunt» (*Asser. De rebus gestis Ælfredi // Asser's Life of king Alfred / Ed. W.H. Stevenson. Oxford, 1904. P. 26*). Перевод мой. — *О.Г.*

имя мастера, отчеканившего монету. Считается, что центральная «А» на аверсе продолжает предшествующую восточноанглскую традицию чеканки монет³. Памятные монеты начали выпускаться не позднее 895, а возможно, и в 890 г.⁴ и находились в обращении до второй декады X в.⁵ На сегодняшний день найдено около двух тысяч таких монет, основная часть которых (около 1800) находилась в составе викингского клада в Кердэйле (Ланкашир). Остальные монеты, как в составе кладов, так и в качестве единичных находок, в абсолютном большинстве были обнаружены на подконтрольных викингам территориях — в Англии (в Денло) или в Ирландии⁶.

Интерпретация памятных монет св. Эдмунда представляет немало проблем. Если дебаты относительно точной датировки можно оставить нумизматам, приняв наиболее авторитетное мнение, то на вопросах о том, кто стоял за выпуском этих монет и какова была мотивация этих людей, необходимо остановиться подробнее, поскольку эти вопросы имеют непосредственное отношение к раннему этапу развития культа св. Эдмунда. Однако прежде рассмотрим имеющиеся письменные свидетельства возникновения этого культа. К сожалению, они отстоят от событий почти на столетие, и их интерпретация порождает, пожалуй, еще больше проблем, чем сами монеты.

Первое агиографическое произведение, посвященное св. Эдмунду, — «Страсти святого Эдмунда, короля и мученика» («*Passio Sancti Eadmundi regis et martyris*»⁷) — было написано между 985–987 гг. Аббоном Флерийским (945/950–1004). Свое прозвание автор получил позднее, когда стал аббатом монастыря Флери во Франции, жите же Эдмунда относится к периоду пребывания Аббона в Англии в аббатстве Рэмси, монахи которого и поручили ему этот агиографический труд.

В отличие от лаконичного сообщения Англо-Саксонской хроники, Аббон приводит подробный рассказ о гибели Эдмунда. Ав-

---

³ *Hawkins E.* The silver coins of England. London, 1841. P. 97.

⁴ *Dolley M.* Viking coins of the Danelaw and of Dublin. London, 1965. P. 17.

⁵ *Grierson P., Blackburn M.* Medieval European coinage, with a catalogue of the coins in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge, 1986. Vol. I: The early Middle Ages (5th to 10th centuries). P. 320.

⁶ *Blunt C.E.* The St Edmund memorial coinage // *Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology.* 1969. Vol. 31. P. 238; *Ridyard S.* The royal saints of Anglo-Saxon England. A study of West Saxon and East Anglian cults. Cambridge, 1988. P. 215.

⁷ *Abbo of Fleury.* *Passio sancti Edmundi regis et martyris* // *Three lives of English saints* / Ed. M. Winterbottom. Toronto, 1972. P. 65–87. (Далее — PSE, с указанием раздела.)

тор сообщает, что после того, как викинги во главе с Ингваром и Хуббой разорили Нортумбрию, они напали на Восточную Англию, где убили множество народа. Ингвар направил к Эдмунду гонца с требованием разделить с ним все богатства и подчиниться ему⁸. Эдмунд обратился за советом к одному из своих епископов, и тот, беспокоясь за безопасность короля, попытался убедить его принять условия скандинавского вождя. Но Эдмунд отказался от предложения Ингвара, сказав, что готов умереть за свой народ, но никогда не отречется от Христа и не подчинится языческому правителю, если только тот сам не примет христианскую веру. Разгневанный таким ответом, Ингвар приказал убить противника после мучительных изъятий. Аббон описывает пытки, которым подвергли короля: его привязали к дереву, бичевали и изрешетили стрелами, а затем обезглавили. Чтобы помешать немногим оставшимся в живых христианам предать своего короля подобающему погребению, викинги выбросили голову Эдмунда в чашу леса. Это видел некий христианин, наблюдавший из укрытия.

Далее Аббон приводит рассказ о возникновении культа св. Эдмунда. Когда викинги отправились разорять другие территории и в стране наступил относительный мир, христиане вышли из своих укрытий и стали собираться отовсюду к месту, где погиб король (Аббон приводит название этой местности — «Хегелисдун»⁹). Там без труда было обнаружено его тело, все еще не погребенное, но без головы. Из рассказа очевидца люди узнали, что искать ее следует в лесу. Они начали поиски, рассредоточившись по лесу и периодически окликая друг друга: «Где ты?». На что отрубленная голова каждый раз отвечала троекратным «здесь», пока все не подошли к месту, где она находилась, и не обнаружили ее в лапах охранявшего ее огромного волка. Сопровождаемые зверем, люди вернулись с обретенной реликвией туда, где находилось туловище, и захоронили останки короля, а над могилой построили часовню. Там тело Эдмунда оставалось на протяжении многих лет, пока не прекратились война и преследования и не стало возрождаться религиозное

---

⁸ Ингвар не требует, чтобы Эдмунд отдал ему королевство, но чтобы «правил под его властью» — «ut... sub eo regnaturus». Из дальнейшего повествования также следует, что Ингвар пытается оговорить условия, на которых Эдмунд сможет сохранить свое королевство.

⁹ «Hegelisdun». Об идентификации топонима см.: *West S. A new site for the martyrdom of St Edmund // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History. 1981–1984. Vol. 35. P. 223–224; Ridyard S. The royal saints. P. 218–222.*

благочестие. К тому времени на могиле мученика произошли многие чудеса. Тогда в королевской вилле *Bedricesgweord* (современный Бэри Сент-Эдмундс) была построена огромная церковь и туда перенесены мощи Эдмунда. К всеобщему удивлению, они были обнаружены нетленными, голова приросла к туловищу, а от ран не осталось и следов. Лишь тонкая красная полоска на шее указывала на то, что голова была когда-то отрублена. На протяжении многих лет некая благочестивая женщина по имени Освен находилась при мощах св. Эдмунда, проводя время в посте и молитве. Каждый год в день памяти святого она открывала раку и стригла Эдмунду волосы и ногти, которые собирала как реликвии. Она складывала их в особый ларец и помещала на алтарь церкви, где покоились мощи. Там реликвии находились и в то время, когда Аббон писал житие. Эта женщина свидетельствовала и о наличии шрама на шее Эдмунда.

Аббон также приводит свидетельство епископа Теодреда¹⁰ о нетленности мощей. Свидетельство это связано с рассказом о чуде св. Эдмунда, который наказал воров, пытавшихся ограбить его церковь, где со временем накопилось немало ценных даров, принесенных людьми к мощам святого. Во время своей преступной работы грабители остолбенели и не могли сдвинуться с места, а на утро их обнаружили и привели на суд к епископу Теодреду. Тот приговорил их к смерти, в чем впоследствии очень раскаивался и даже просил свою паству держать за него трехдневный пост. В итоге Бог простил епископа, и тот осмелился совершить омовение мощей святого мученика, поменять на нем одежды и поместить в новую раку. Тело Эдмунда по-прежнему оставалось нетленным.

Наконец, еще одно чудо, которое излагает Аббон, также связано с мощами святого: некий человек высокого ранга по имени Леофстан захотел посмотреть на тело св. Эдмунда и добился своего, но был немедленно наказан за свою дерзость поразившим его безумием и вскоре умер жалкой смертью. Завершается повествование рассуждением о связи нетленности мощей св. Эдмунда и его невинности при жизни.

Более столетия отделяет рассказчика от гибели Эдмунда, однако Аббон выстраивает последовательную цепочку передачи информации, приводящую к событиям 869 г. Агиографическому тексту предшествует письмо-посвящение Дунстану (909–988), одному из деятелей Бенедиктинской монашеской реформы в Англии, бывшему ар-

---

¹⁰ Епископ Лондона с 926 г.

хиепископу Кентерберийскому (960–978), удалившемуся на покой. В этой преамбуле сообщается, что именно от Дунстана Аббон и узнал историю о мученичестве короля Эдмунда. При этом отмечается, что история эта оставалась неизвестна большинству людей и до того момента не была записана. Архиепископ Дунстан рассказывал ее в присутствии Аббона епископу Рочестера, а также аббату и монахам монастыря Мальмсбери. В свою очередь, Дунстан услышал эту историю в юности от некоего старого человека, который излагал ее королю Этельстану (895–939, правил с 924/925) и при этом клялся, что был в день гибели Эдмунда его оруженосцем¹¹.

Итак, по версии автора «Страстей», история св. Эдмунда передавалась от очевидца событий — оруженосца короля — к архиепископу Дунстану и затем к самому Аббону, который и зафиксировал ее в письменном виде. Также указываются слушатели, которые присутствовали при каждом произнесении рассказа, и этими слушателями оказываются весьма авторитетные люди, среди которых король, епископ, аббат. Представляется, что, излагая все эти подробности в письме-посвящении, Аббон Флерийский стремился подчеркнуть достоверность описываемых далее событий. Кроме того, автор отмечает, что Дунстан, полностью доверяя утверждениям бывшего королевского оруженосца, сложил его слова в хранилище своей памяти, чтобы затем передать будущим поколениям. В свою очередь, Аббон записал рассказ, детально повторяя то, что было передано Дунстаном, за исключением одного добавленного в конце повествования чуда.

«Страсти святого Эдмунда» Аббона получили в историографии разнообразные оценки, вплоть до прямо противоположных. Одной из проблем при интерпретации этого источника становится несоответствие данных Англо-Саксонской хроники и житийного рассказа. В Хронике говорится, что король сразился с викингами, которые одержали победу и убили его. В житии о битве не сказано ничего, а основная коллизия разворачивается вокруг предложения Ингвара подчиниться ему и категорического отказа Эдмунда, однако сообщается, что к этому моменту убиты очень многие подданные короля Восточной Англии. Некоторые исследователи видят в этом прямое противоречие между двумя источниками¹², другие, наоборот,

---

¹¹ PSE. I.

¹² См., например: *Омельницкий М.П.* Жития трех английских святых Эльфрика: св. Освальда, св. Эдмунда, св. Свизина. М., 1997. С. 33.

стараются привести два свидетельства к некоему общему знаменателю. По мнению Д. Уайтлок, данные Хроники и жития могут не противоречить, а дополнять друг друга. Она считает, что Эдмунд мог сначала сразиться с викингами и потерпеть поражение, а потом быть жестоко убитым (после боя)¹³. Если развивать эту линию реконструкции событий, то можно выделить еще одно звено между предполагаемой битвой и убийством. Выше уже отмечалось, что, как следует из текста Аббона, Ингвар предложил Эдмунду условия, на которых тот мог бы сохранить свое королевство. Для этого королю Восточной Англии было необходимо разделить со скандинавским предводителем свои богатства и править под его началом. Аналогичная схема наблюдается в Мерсии. Так, по сообщению Англо-Саксонской хроники, в 874 г. «разбойничье войско пришло из Линдси в Рептон и там зимовало; даны изгнали короля Бургреда за море после того, как он правил королевством 22 зимы, и захватили всю ту землю. <...> В тот же год даны отдали мерсийское королевство одному немудрому королевскому тэну¹⁴; он принес им клятву и дал заложников, что отдаст им королевство по первому их желанию, и сам будет к их услугам со всеми своими людьми»¹⁵. Если таким образом реконструировать и ситуацию в Восточной Англии — битва, в которой викинги одержали победу, предложение Эдмунду подчиниться и править под началом скандинавских завоевателей, его отказ и смерть — то данные Хроники и агиографического текста действительно удается совместить.

Д. Уайтлок изначально исходит из того, что выстроенная Аббонем схема передачи информации от оруженосца к Дунстану и затем к автору «Страстей» заслуживает доверия и может объяснять, каким образом сведения о гибели Эдмунда сохранялись в устной традиции на протяжении более чем столетия. Для других исследователей, напротив, история, изложенная в письме-посвящении, становится камнем преткновения. Так, по мнению Дж. Дэймона,

---

¹³ *Whitelock D. Fact and fiction in the legend of St Edmund // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History. 1969. Vol. 31. P. 219.*

¹⁴ В рукописях «В», «С», «D», «Е» указывается его имя — Кеолвульф.

¹⁵ Англосаксонская хроника. С. 71 («874. Her for se here from Lindesse to Hreope dune, 7 þær winter setl nam, 7 þone cyning Burgraed ofer sæ adraefdon ymb xxii wint þæs þe he rice hæfde, 7 þæt lond all ge eodon... 7 þy ilcan geare hie sealdon anum unwisum cyninges þegne Miercna rice to haldanne, 7 he him aþas swor 7 gislas salde, þæt he him gearo wære swa hwelce dæge swa hie hit habban wolden, 7 he gearo wære mid him selfum, 7 on allum þam þe him læstan woldon. to þæs heres þearfe.» — Two of the Saxon Chronicles. P. 72).

Аббон, видимо, записал то, что действительно слышал от Дунстана. Тот факт, что Дунстан излагал услышанный в юности рассказ, тоже не вызывает у исследователя сомнений. Сложнее дело обстоит с рассказом оруженосца, не поддающимся верификации. Дж. Дэймон не исключает возможности, что оруженосец был самозванцем, и тогда рассказанная им история уже была продуктом устной традиции¹⁶. По мнению, П. Кэвилла, оруженосец и вовсе — литературный персонаж, перешедший в житие св. Эдмунда из страстей римских мучеников. Исследователь полагает, что не только фигура королевского оруженосца, но и прочие детали гибели Эдмунда (в частности, виды пыток, которым он подвергся) не соответствуют историческим реалиям Англии эпохи викингов и заимствованы из раннехристианской агиографии. Более того, повествование Аббона и не писалось как реальная история, а выполняло специфические функции агиографического текста. Правда, П. Кэвилл все-таки признает, что устная традиция, посвященная Эдмунду, существовала, но иницирована она была, по предположению исследователя, не подданными короля, а его убийцами — викингами. Однако Аббон заменил все аутентичные детали этой истории традиционными агиографическими сюжетами и мотивами¹⁷. А. Грансден вообще видит в повествовании Аббона «не более чем собрание агиографических общих мест». Исследовательница полагает, что автор жития почти наверняка ничего не знал о смерти св. Эдмунда и его раннем культе. А само развитие культа, по мнению А. Грансден, происходило так: смерть Эдмунда в сражении с викингами привела в политических условиях конца IX в. к его почитанию, которое нашло отражение в памятных монетах. В начале X в. культ «заглох» (на что указывает прекращение выпуска монет) и затем возродился уже в конце X в. в новой политической и церковной ситуации¹⁸.

В целом, при интерпретации «Страстей святого Эдмунда» затрагиваются две основные проблемы: с одной стороны, фиксация реальных событий конца IX в. и оценка житийного рассказа с точки зрения его достоверности или недостоверности, с другой — отражение в источнике религиозно-философских идей и агиографических топосов, ставших актуальными в определенных политических

---

¹⁶ *Damon J.E.* Soldier saints and holy warriors. Warfare and sanctity in the literature of early England. Aldershot, 2003. P. 169.

¹⁷ *Cavill P.* Vikings: Fear and faith. Grand Rapids (MI), 2001. P. 171–179.

¹⁸ *Gransden A.* The legends and traditions concerning the origins of the Abbey of Bury St Edmunds // *The English Historical Review.* 1985. Vol. 100. P. 6–7.

и религиозных условиях конца X в. в период создания текста. При этом акцентирование внимания на одной из проблем и игнорирование другой приводит к одностороннему подходу к данному тексту. На мой взгляд, произведение Аббона — многослойный источник, объединяющий обе названные перспективы, и рассматривать его необходимо именно в таком ключе.

Несмотря на то, что в преамбуле автор прямо называет всего двух рассказчиков записанной им истории — оруженосца и Дунстана, в его тексте слышится многоголосица. В самом повествовании оруженосец не присутствует, но появляется некий человек, который становится свидетелем того, как викинги прячут отрубленную голову Эдмунда в лесу, и в дальнейшем рассказывает об этом людям. Не ясно, имеется ли в виду, что этот человек присутствовал также при убийстве Эдмунда. Кроме того, о мощах Эдмунда приводятся свидетельства ухаживающей за ними женщины Освены и епископа Теодреда. Таким образом, ясно, что рассказ об Эдмунде дошел до записавшего его Аббона отнюдь не по такой прямой цепочке, которую автор «Страстей» рисует в преамбуле, а вобрал в себя более богатую устную традицию, связанную не только с гибелью Эдмунда, но и с различными этапами развития его культа.

В существовании же устной традиции, посвященной св. Эдмунду, на мой взгляд, сомневаться нет оснований. В первую очередь несостоятельной мне представляется аргументация тех исследователей, которые видят в «Страстях святого Эдмунда» лишь набор агиографических клише¹⁹. Сознательная ориентация на уже существующие образцы является общепризнанной характеристикой житийной литературы. Даже когда автор обладает обширной информацией о жизни святого, он строит свое повествование, опираясь на жития других прославленных святых и заимствуя из них образы и мотивы²⁰. Соблюдение агиографического канона не означает, что в житии не могла отразиться аутентичная информация — иначе нам придется отвергать информативность всех агиографических источников, кроме самых ранних, для которых еще не существовало предшествующей

---

¹⁹ Наиболее четко такой взгляд выражен А. Грансен (*Gransden A. The legends and traditions*).

²⁰ Так, например, автор анонимного «Жития св. Кутберта», несомненно, обладавший значительной информацией о жизни святого, ориентировался на «Житие св. Мартина Турского» Сульпиция Севера и «Житие св. Антония Великого» Афанасия в латинском переводе Евагрия (См.: *Colgrave B. The earliest saints' lives written in England // Proceedings of the British Academy. 1958. Vol. 44. P. 37–40*).

традиции. Кроме того, по моему мнению, повторяющийся агиографический топос не всегда является результатом заимствований на текстологическом уровне, но может отражать и повторяющиеся модели поведения, которые в свою очередь могли возникать как сознательное подражание известным святым (не зря жития создавались в том числе и как образцы для подражания).

Противоречивость оценок «Страстей святого Эдмунда» наглядно демонстрирует интерпретация сюжета поиска отрубленной головы короля. Некоторые исследователи усматривают в этом сюжете отражение языческих верований. Так, по мнению М.П. Омельницкого, «это действие (поиск головы. — О.Г.) передается в форме волшебной сказки, языческой по сути, и отнюдь не в форме жития»²¹. К. Кьюбитт также полагает, что этот сюжет и особенно присутствие в нем волка, охранявшего голову, может иметь нехристианское происхождение, хотя подобные мотивы могли включаться в христианскую традицию и впоследствии не восприниматься как противоречащие христианству²². Интересно, что сторонники чисто литературного характера «Страстей», напротив, находят в этом же сюжете не фольклорные или языческие мотивы, а агиографические заимствования: например, в качестве прототипа волка, охранявшего голову Эдмунда, предлагается лев, стороживший в пустыне тело умершей

---

²¹ Омельницкий М. Жития трех английских святых. С. 40. С некоторыми утверждениями М. Омельницкого я не могу согласиться, как например, со следующим рассуждением: «Случай с волком, как, впрочем, и вся лесная эпопея, указывает нам на истоки глубокой связи святого с миром природы. Приобщенность святого христианского типа к миру природы делало его фигуру значимой в глазах населения, руководимого языческими ценностями. К нему прибегали для излечения той или иной болезни, как прибегали к помощи шамана, имевшего власть над силами природы. Люди, жившие в ранний период Средневековья, не замечали разницы между языческим идолом и христианским святым, принимая святого в качестве своего охранителя и ожидая от него защиты от напастей, болезней и бедствий» (Омельницкий М. Жития трех английских святых. С. 41). Во-первых, исследователь рассматривает этот сюжет в контексте древнеанглийского перевода жития св. Эдмунда, выполненного Эльфриком, забывая, что рассказ о поиске головы изначально присутствует у Аббона. Во-вторых, в христианском вероучении мир природы и взаимоотношения с ним святого переосмысливаются, начиная еще со времен поздней античности. Этой теме посвящена обширная литература. Из последних работ см., например: *Hobgood-Oster L. Holy Dogs and Asses: Animals in the Christian Tradition. Urbana (Ill.), 2008; Alexander D. Saints and Animals in the Middle Ages. Woodbridge, 2008.* Поэтому априорная интерпретация любых мотивов, связанных с миром природы, как языческих, на мой взгляд, не обоснована.

²² *Cubitt C. Sites and sanctity: Revisiting the cult of murdered and martyred royal saints // Early Medieval Europe. 2000. Vol. 9 (1). P. 57, 64.*

Марии Египетской²³. Действительно, в агиографической традиции, в том числе и в англо-саксонской, существует мотив служения животных святым²⁴. Однако, на мой взгляд, одним из указаний на то, что в тексте Аббона в данном случае действительно нашла отражение традиция, бытовавшая в устной среде, является следующая деталь рассказа: в ответ на оклики людей, искавших в лесу голову Эдмунда, она отвечала «на их родном языке “Her, her, her!”», что в переводе на латинский язык означает «Здесь, здесь, здесь!»²⁵. Помимо этой фразы в латинском тексте Аббона по-древнеанглийски приводятся лишь топонимы. Вполне вероятным объяснением такой вставки мне представляется фиксация автором некоего устного рассказа.

Итак, в «Страстях святого Эдмунда» нашла отражение традиция, бытовавшая в устной среде, посвященная гибели короля Восточной Англии, а также становлению и развитию его культа. Аббон рассказал эту историю на языке агиографического канона, вписав ее в общехристианскую традицию страстей мучеников. Кроме того, сама актуализация культа св. Эдмунда в конце X в. была связана с процессами, происходившими в это время в стране и Церкви — Бенедиктинской монашеской реформой (Монастырским возрождением), становлением культа короля Эдварда Мученика, а также возобновлением набегов викингов. Таким образом, в данном источнике фактически засвидетельствовано как минимум два этапа существования культа св. Эдмунда. Наиболее четко фиксируется (и одновременно формируется) восприятие этого святого в конце X в. Но также произведение Аббона отражает, пусть и в преломленном виде, ранние этапы существования культа. При таком переплетении разновременных пластов вряд ли возможно точно реконструировать тот устный рассказ или рассказы, которые дошли до Аббона, а тем более восстановить все детали гибели Эдмунда. Тем не менее, я считаю, «Страсти» остаются важным источником по изучению культа св. Эдмунда, а не просто агиографическими «вариациями на тему» этого святого.

---

²³ *Gransden A.* The legends and traditions. P. 7. Там же см. христианские агиографические параллели и для других образов и мотивов, в частности отрубленной головы.

²⁴ Об этом см., например: *Gusakova O.* A saint and the natural world: a motif of obedience in three early Anglo-Saxon saints' lives // God's bounty? The Churches and the natural world: Studies in Church history. 2010. Vol. 46. P. 42–52.

²⁵ «...illud respondebat designando locum patria lingua dicens: “Her, her, her!”», quod interpretatum Latinus sermo exprimit: “Hic, hic, hic!”» (PSE. XIII). Перевод мой. — *О.Г.*

Что можно сказать о раннем культе св. Эдмунда и как данные жития соотносятся со свидетельством памятных монет? Кто был инициатором выпуска этих монет, не известно, так же как и место их чеканки. Видимо, они выпускались в нескольких местах, в первую очередь в Восточной Англии, но также, возможно, в области Пяти бургов²⁶. Главное, в чем сходятся исследователи, — памятные монеты св. Эдмунда выпускались и циркулировали в Денло под эгидой скандинавских правителей и для смешанного англо-датского населения²⁷. При этом к началу выпуска монет (890–895 гг.) культ св. Эдмунда уже должен был сложиться и получить распространение. И если чеканка монет исходила от скандинавских правителей Восточной Англии, то зарождение культа, видимо, произошло в среде местного населения²⁸. Этот вывод, на мой взгляд, подтверждается следующим рассуждением. Во главе расселившихся в 880 г. в Восточной Англии викингов стоял принявший христианство Гутрум. У нас нет данных, чтобы судить об искренности и глубине его обращения, но тот факт, что он выпускал монеты под своим христианским именем — Этельстан, видимо, свидетельствует о его стремлении интегрироваться в христианское общество и преподнести себя как христианского короля²⁹. В 878 г. вместе с Гутрумом крещение приняли тридцать его лучших людей³⁰, примеру которых, возможно, последовали и другие члены скандинавского войска. Однако сложно представить, чтобы первое поколение принявших христианство викингов, не знакомых у себя на родине с традицией культов святых, стало инициатором культа св. Эдмунда. Одно дело — принять уже существующую модель, другое — самостоятельно ее воспроизводить. В то же время для самих англо-саксов почитание убиенного короля вписывалось в существующую еще с VII в. традицию почитания убиенных святых королевской крови³¹. Причем мученическая

---

²⁶ Grierson P., Blackburn M. Medieval European coinage. P. 320; Ridyard S. The royal saints. P. 214.

²⁷ Ridyard S. The royal saints. P. 216.

²⁸ Ibid. P. 217–223.

²⁹ Hadley D. The Vikings in England: Settlement, society and culture. Manchester, 2006. P. 33–35.

³⁰ См.: ASC. A. 878 (зд. и далее в таком формате даются ссылки на Англо-Саксонскую хронику с указанием рукописи и года, если не приводится цитата из этого источника).

³¹ О почитании англо-саксами святых королевской крови, погибших насильственной смертью, см.: Rollason D.W. The cult of murdered royal saints in Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. Cambridge, 1983. Vol. 11. P. 1–22; Cubitt C. Sites and sanctity.

смерть в строгом смысле была не обязательной при формировании их культов. Поэтому почитание Эдмунда могло возникнуть и в случае, если он погиб в битве против викингов (как обычно заключают из сообщения Англо-Саксонской хроники, хотя там этого прямо не утверждается), и если подвергся мучениям и смерти не на поле брани (как повествует Аббон).

Наиболее обоснованным представляется отнести возникновение почитания св. Эдмунда к промежутку между его гибелью в 869 г. и расселением войска Гутрума в Восточной Англии в 880 г.³² Такая датировка следует из текста Аббона, где говорится, что первое захоронение останков короля произошло после того, как викинги, вслед за убийством Эдмунда, отправились разорять другие земли, а в стране наступил относительный мир. Участие Уэссекса в развитии почитания Эдмунда на раннем этапе представляется сомнительным. Как мы видели, в начале 890-х гг., когда, судя по чеканке памятных монет, культ Эдмунда уже получил развитие в Восточной Англии, для уэссекского хрониста, как и для Ассера, убийство Эдмунда оставалось одним из военно-политических событий, не связанных с религиозной сферой.

Спорной остается датировка перенесения мощей св. Эдмунда из места его первоначального захоронения в Бэри Сент-Эдмундс. Аббон никак не датирует это событие, хотя из повествования очевидно, что ко времени епископата Теодреда (926–951 гг.) оно уже состоялось. Более поздняя традиция относит перенесение к началу X в.³³ По мнению С. Ридиярд, перенесение мощей и соответственно провозглашение святости могло произойти еще до чеканки монет, фактически сразу после убийства Эдмунда, «когда политическое послание этого культа имело наибольшую силу и значение»³⁴. При этом исследовательница обращает особое внимание на то, что Аббон прямо связывает перенесение мощей Эдмунда с провозглашением его святости, завершая рассказ о перенесении словами: «Итак, Эдмунд был с почетом провозглашен святым»³⁵. Это редкое для англо-саксонской агиографии прямое указание на непосредственную связь перенесения мощей и провозглашения святости. В ранний англо-саксонский период перенесение мощей во многих слу-

---

³² *Ridyard S. The royal saints. P. 223.*

³³ *Ridyard S. The royal saints.*

³⁴ *Ibid. P. 222–223.*

³⁵ «*Sicque cum reverential nominandus sanctus...*» (PSE. XV).

чаях фактически означало провозглашение святости, однако не являлось обязательным для возникновения культа, и многие местные святые оставались в местах первоначального погребения. В случае со св. Эдмундом, на мой взгляд, не следует всецело полагаться на данную формулировку Аббона. Не стоит забывать о том, что он писал в конце X в. о событиях конца IX — начала X в., а кроме того принадлежал не к англо-саксонской, а к континентальной традиции. Поэтому его замечание о том, что Эдмунд был провозглашен святым в момент перенесения мощей, вполне может основываться на представлениях автора о неразрывной связи этих двух процессов, а не на какой-либо конкретной информации. Таким образом, датировка, предложенная С. Ридиярд, представляется мне возможной, но не обязательной, исходя из имеющихся данных.

Второй этап развития культа св. Эдмунда, нашедший отражение в произведении Аббона, относится ко времени создания «Страстей» (между 985–987 гг.) и не может рассматриваться вне контекста развития религиозной мысли этого периода и внутренних процессов, происходивших в англо-саксонской Церкви.

Сочинение Аббона создано в среде, тесно связанной с Бенедиктинской монашеской реформой как в Англии (непосредственным источником своей информации автор называет деятеля английского монастырского возрождения — Дунстана), так и на континенте: Аббон приехал в Рэмси (реформированный английский монастырь) из монастыря Флери — одного из ведущих континентальных реформированных монастырей. Монашеская реформа, помимо внешней составляющей — соблюдения Бенедиктинского устава (внешним этот пласт я называю, конечно, условно, поскольку соблюдение Устава связано с определенным пониманием реформаторами самой сущности монашества), включала и значительное развитие религиозной мысли. Применительно к культу св. Эдмунда важным представляются следующие особенности новой теологии, отмеченные Э. Джоном. Новое понимание человеческого спасения отводило человеку более активную роль: спасение даруется Богом, но человек должен его «заработать», в частности через созерцание Христа и его страданий. Для мыслителей монашеской реформы центральным становится образ Христа Страдающего, и именно в конце X в. Христос на распятиях начинает изображаться мертвым (одно из первых таких изображений находится в английской рукописи). В этом контексте осмысливается и роль христианского короля как помазанника Божьего. Поэтому, когда король Эдмунд в повествовании Аббона отказывается подчиниться

язычнику Ингвару и претерпевает страдания, он подражает Христу не просто как мученик, а как помазанник Божий³⁶.

В «Страстях св. Эдмунда» нашла отражение еще одна, несомненно, актуальная для Бенедиктинской реформы идея — монашеский идеал безбрачия и девственности. Именно эти характеристики короля Эдмунда Аббон отмечает и подчеркивает. Как убедительно показал П. Хэйвард, в агиографических текстах, посвященных невинно убиенным святым королевской крови, которые были написаны в конце X — начале XI и второй половине XI — начале XII в. в среде реформированных английских монастырей, идея невинного мученичества была переосмыслена в контексте идей Бенедиктинской монашеской реформы и Григорианской реформы, а сами культы этих святых были адаптированы для выполнения дисциплинарной и педагогической функций в монашеской аудитории, где остро стояла проблема утверждения идеала девственности как среди воспитывающихся в обителях мальчиков и юношей, так и среди взрослых монахов³⁷. П. Хэйвард не рассматривает культ св. Эдмунда, его исследование посвящено шести юным святым: кентским принцам Этельберту и Этельреду, королю Восточной Англии Этельберту, мерсийским принцам Вигстану и Кенельму и английскому королю Эдварду Мученику. Однако основные выводы, сформулированные исследователем для этой группы святых, применимы и к развитию культа св. Эдмунда в контексте Бенедиктинской монашеской реформы.

В связи с этим необходимо отметить и внешний фактор, на фоне которого, вероятно, происходила в этот период актуализация культа св. Эдмунда, так же как и культов прочих убиенных святых королевской крови, — возникновение и быстрое распространение культа святого короля Эдварда Мученика. Убитый в 978 г. юный король Эдвард вскоре стал широко почитаться как святой. Его культ, видимо, сложился сразу после убийства, и уже при его преемнике (и сводном брате) Этельреде Нерешительном вышел на официальный и общенациональный уровень. В рукописи «С» Англо-Саксонской хроники сообщается, что Эдвард принял мученическую смерть³⁸. В рукописях «D» и «E» его гибели посвящен пространный ритмизованный фраг-

---

³⁶ См.: *John E. The age of Edgar // The Anglo-Saxons / Ed. J. Campbell. London, 1991 (first publ. 1982). P. 203–206.*

³⁷ *Hayward P.A. The idea of innocent martyrdom in late tenth- and eleventh century English hagiology // Martyrs and martyrologies: Studies in Church history. 1993. Vol. 30. P. 81–92.*

³⁸ ASC. C. 978.

мент, где король также прямо назван святым³⁹. В «Житии св. Освальда» Биртферта из Рэмси, написанном между 997–1002 гг., также засвидетельствован культ св. Эдварда Мученика. Там рассказывается не только об убийстве юного короля, но и об обретении его нетленных мощей через шесть месяцев после смерти⁴⁰. Изначально захороненные в Ворэме, останки Эдварда вскоре были перенесены в аббатство Шефтсбери. «Страсти святого Эдварда» в своей нынешней форме были составлены уже после Нормандского завоевания, но, вероятно, восходят к тексту, созданному ок. 1000 г.⁴¹ Как и ревитализация культа св. Эдмунда, возникновение культа св. Эдварда Мученика происходило в среде реформированного монашества и отвечало его идеалам девственности. Сложно сказать, было ли создание «Страстей святого Эдмунда» непосредственным комментарием на убийство Эдварда⁴² или культа этих двух святых в конце X в. подпитывались из общего источника — религиозных идей Монастырского возрождения.

Наконец, нельзя не отметить, что Аббон пишет свое сочинение в условиях возобновившихся в 980-х гг. викингских набегов на Англию. Возможно, в интересе к фигуре св. Эдмунда отразилась реакция англо-саксонской Церкви на внешнюю угрозу. Однако, как мы видели, в развитии самой Церкви происходили важные процессы, в контексте которых культ св. Эдмунда приобретал особое значение в этот период. Поэтому если подобная связь и существовала, она составляла лишь один из элементов, оказавших влияние на развитие культа в конце X в.

Рассмотренные контексты, в которых развивался культ св. Эдмунда в конце X в., несомненно, выходят за рамки и той традиции, посвященной этому святому, которая могла циркулировать на протяжении IX–X вв. в устной среде, и тех страстей римских мучеников, из которых Аббон мог черпать многочисленные агиографические топысы, что еще раз демонстрирует многослойность данного источника и опасность одностороннего подхода к нему.

---

³⁹ ASC. D, E. 979.

⁴⁰ *Byrhtferth of Ramsey. The Lives of St. Oswald and St. Ecgrwine* / Ed. M. Lapidge. Oxford, 2009.

⁴¹ Текст см.: Passio S. Eadwardi, regis et martyris // *Fell C. Edward king and martyr*. Leeds. 1971. P. 1–16.

⁴² Хотя истории гибели Эдмунда и Эдварда нельзя назвать идентичными — первый убит врагами-язычниками в ходе войны, второй своими соплеменниками в ходе предательского заговора — как убедительно показала К. Кьюбитт, в моделях почитания святых королевской крови, погибшей насильственной смертью, есть много общих черт, вне зависимости от деталей их гибели — см.: *Cubitt C. Sites and sanctity*.

- Англосаксонская хроника IX–XI веков / Пер. с древнеанглийского, введение, примеч. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010.
- Омельницкий М. П.* Жития трех английских святых Эльфрика: св. Освальда, св. Эдмунда, св. Свизина. М., 1997.
- Abbo of Fleury.* Passio sancti Edmundi regis et martyris // Three lives of English saints / Ed. M. Winterbottom. Toronto, 1972. P. 65–87.
- Alexander D.* Saints and Animals in the Middle Ages. Woodbridge, 2008.
- Asser.* De rebus gestis Ælfredi // Asser's Life of king Alfred / Ed. W.H. Stevenson. Oxford, 1904.
- Blunt C.E.* The St Edmund memorial coinage // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology. 1969. Vol. 31. P. 234–255.
- Cavill P.* Vikings: Fear and faith. Grand Rapids (MI), 2001.
- Colgrave B.* The earliest saints' lives written in England // Proceedings of the British Academy. 1958. Vol. 44. P. 35–60.
- Cubitt C.* Sites and sanctity: Revisiting the cult of murdered and martyred royal saints // Early Medieval Europe. 2000. Vol. 9 (1). P. 53–83.
- Damon J.E.* Soldier saints and holy warriors. Warfare and sanctity in the literature of early England. Aldershot, 2003.
- Dolley M.* Viking coins of the Danelaw and of Dublin. London, 1965.
- Gransden A.* The legends and traditions concerning the origins of the Abbey of Bury St Edmunds // The English Historical Review. 1985. Vol. 100. P. 1–24.
- Grierson P., Blackburn M.* Medieval European coinage, with a catalogue of the coins in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge, 1986. Vol. I: The early Middle Ages (5th to 10th centuries).
- Gusakova O.* A saint and the natural world: a motif of obedience in three early Anglo-Saxon saints' lives // God's bounty? The Churches and the natural world: Studies in Church history. 2010. Vol. 46. P. 42–52.
- Hawkins E.* The silver coins of England. London, 1841.
- Hayward P.A.* The idea of innocent martyrdom in late tenth- and eleventh century English hagiology // Martyrs and martyrologies: Studies in Church history. 1993. Vol. 30. P. 81–92.
- Hadley D. M.* The Vikings in England: Settlement, society and culture. Manchester, 2006.
- Hobgood-Oster L.* Holy Dogs and Asses: Animals in the Christian Tradition. Urbana (Ill.) 2008.
- John E.* The age of Edgar // The Anglo-Saxons / Ed. J. Campbell. London, 1991 (first publ. 1982).
- Ridyard S.* The royal saints of Anglo-Saxon England. A study of West Saxon and East Anglian cults. Cambridge, 1988.
- Rollason D.W.* The cult of murdered royal saints in Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. Cambridge, 1983. Vol. 11. P. 1–22.

Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. 2 vols. Oxford, 1892–1899. Vol. II.

West S. A new site for the martyrdom of St Edmund // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History. 1981–1984. Vol. 35.

Whitelock D. Fact and fiction in the legend of St Edmund // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History. 1969. Vol. 31.

Olga Gusakova

DEVELOPMENT OF ST EDMUND'S CULT IN THE ORAL TRADITION AND HAGIOGRAPHY

This paper aims to trace the early stages of the cult of St Edmund, the East Anglian king killed by the Vikings in 869. It addresses the question of how St Edmund's legend was created and circulated in the oral tradition and how it was later incorporated in a hagiographical text («*Passio sancti Eadmundi*» by Abbo of Fleury). The paper analyzes the correlation between elements of oral tradition and hagiographical topoi in the «*Passio*» and seeks to reveal various textual layers reflecting different stages of the development of St Edmund's cult.

Key words: St Edmund, Abbon of Fleury, Anglo-Saxon Church, cult of saints, martyrs, royal saints, Vikings, oral tradition, hagiography.